

Когда Я была кошкой

Марина Селенова

Марина Семенова

Когда я была кошкой

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Семенова М. М.

Когда я была кошкой / М. М. Семенова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Судьба наделила Натали многим: красотой, обаянием, врожденной магией соблазнения, цепким умом и той особой женской мудростью, которая надиктовывает в милые девичьи ушки, как же ей надлежит поступить, чтобы мужчина не только готов был ради нее на все, но делал это с большим удовольствием. В один из дней Натали отправляется со своим знакомым продюсером в круиз на белоснежном лайнере и то, что с ней происходит потом - не подчиняется ни логике, ни сколь-нибудь разумному объяснению. Сплошная мистика, эротика и магия, а еще очень много любви. Книга «Когда я была кошкой», как и все другие произведения М. Семеновой — это еще одна возможность заглянуть в мир отношений мужчины и женщины. А, может быть, еще глубже. Впрочем, если в двух словах - эта книга о том, чего хочет женщина и насколько жизнь эти ее желания готова исполнить.

© Семенова М. М.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Марина Семенова

Когда я была кошкой

– Никто никому не принадлежит, – прошелестела ящерица и уползла в узкую расщелину, оставив на раскаленном камне свой чешуйчатый хвост.

Как же ей хотелось вцепиться ему в физиономию и выпарапать глазки, его маленькие бесцветные лживые глазки. Она ненавидела, когда ТАК врут. Не сочиняют, не фантазируют, а именно врут, нагло и неумело. Натали считала – если уж делаешь что-нибудь, то делай хорошо, и если уж взялся врать – ври красиво. Так, как это всегда делают они, женщины-кошки: тонко, изящно и самозабвенно.

Они все так делают: врут, одеваются, любят, флиртуют, изменяют, ходят, танцуют, прикуривают сигарету, выходят из авто, едят и, даже, спят. Натали была уверена, что когда ей придет время умирать, она сделает это так же – изящно и самозабвенно. И делают они все это не от какого-то там выпендрежа, а потому что по-другому просто не умеют. Как, к примеру, женщина-корова не умеет ходить на каблуках.

Додик, в который раз, попытался ухватить ее за руку, но она фыркнула и отшатнулась брезгливо.

– Не смей! Не смей ко мне прикасаться!

– Но, масечка...

Его пороссячьи глазки смотрели на неё умоляюще.

– И не смей называть меня масечкой!

– Хорошо, хорошо...

Снова согласился ее спутник и снова попытался приложиться к её тонкому запястью.

Натали еще раз фыркнула и пошла от него вдоль перил на главную палубу, пошла ровно с той скоростью, чтобы он мог ее догнать, он догнал и засеменил рядом, время от времени виновато вздыхая.

Солнце медленно стекало в, потемневшее и разволновавшееся к вечеру, море, унося с собой измотавшую всех до невозможности жару. Публика потихоньку выползала из своих прохладных кают насладиться закатным пейзажем и подышать остывающим морским воздухом, а женщины еще и «засветить» свои ненадеванные наряды.

Натали села в один из ослепительно-белых шезлонгов и кивком головы подозвала к себе молоденького, предупредительного и такого же белоснежного, как и все на этом лайнере, официанта, и заказала ему апельсиновый фреш с мороженым. Додик пристроился рядышком, добавив к ее заказу пару своих пожеланий – пиво и сушеных кальмаров.

– Если опять к вечеру наберешься и начнешь храпеть – выгоню из каюты, будешь ночевать на палубе! – предупредила она и послала нежный смайлик, проходящему мимо юноше в желтых плавках.

– Солнышко, ну перестань сердиться, честное слово я ничего не знал про те три каюты Премиум класса, они меня клятвенно заверяли, что наша самая лучшая!

– Как же ты не знал, если они есть в рекламном буклете?! Все ты прекрасно знал, просто, как всегда, хотел на мне сэкономить! – выггла Натали своего собеседника испепеляющим взглядом.

– Но, я его в глаза не видел, этот буклет! – снова принялся врать Додик, хлопая своими белесыми, окончательно выгоревшими на солнце, ресницами.

– Не видел, говоришь? А это что? – Натали с торжествующим взором быстро открыла свою крохотную переливчатую сумочку и, выудив оттуда тонкими пальчиками согнутый пополам глянцевого буклет, потрясла им перед носом своего спутника. – Вот, в твоей тумбочке лежал!

– Так это не мое! – быстро сориентировался Додик. – Мало ли, как он мог там оказаться! Может быть, они всем в тумбочки эти бумажки кладут.

– Тогда, почему в мою тумбочку не положили? – прищурилась Натали, не оставляя надежды докопаться до истины.

– Не знаю... Сэкономить хотели, наверное... Я же говорил, милая, что вокруг одно жулье!

– Хорошо, – Натали даже зажмурилась, предвкушая. – Тогда объясни мне, пожалуйста, драгоценный мой Додоша, как на этом проспекте, который, как ты говоришь, в глаза не видел, оказалось вот это?

Она развернула буклет перед его лицом, аккуратно в том месте, где на фотографии каюты Премиум класса было размашисто написано гелиевой ручкой: «Понед-ник, 17.00, парикмах, Люся»

– Только не пробуй мне сейчас втирать, что это не ты писал! Во всех твоих словах «люблю» на открытках, вставленных в букеты цветов, присылаемых мне ежедневно в первый месяц знакомства, именно она, твоя «выпендренная» буква «Л» с этими дурацкими завитушками, я знаю ее преотлично!

Официант принес заказ и Додик радостно ухватился за вспотевший бокал, уткнув винные губы в золотистую пивную пенку, таким образом пытаясь выиграть время. Его спутница тоже взяла со столика свой сок, вынула из него коктейльную трубочку, покрутила ее пару секунд в руках и ловко швырнув за борт, поводила язычком по краю своего тонкого стакана. И делала она это, надо сказать, неподражаемо и совершенно бессознательно. Все ее движения – жесты и мимика, ее сумасшедшие сексуальный голос, низкий и будоражающий, ее чувственный рот и миндальные влажные глаза, вся она была создана для того, чтобы соблазнять, очаровывать и сводить мужчин с ума, лишая их сна, покоя, рассудка и денег..

– Додик в который раз попался на этот восхитительный крючок, теряя бдительность и волю.

– Ну да... знал я про эти каюты, знал! Ну прости меня, мася... Разница между нашей каютой и теми тремя лишь в цвете плюшевых диванов и размерах плазмы. Платить лишние пятьсот евро за такие сомнительные преимущества! Я лучше их тебе так дам, купишь себе что-нибудь... эдакое, – он покрутил выпуклыми ладошками в районе своей груди, видимо, представляя себе это «эдакое» именно так.

– А давай! – восторгалась Натали, пытаясь поймать его на слове, и выбросила перед собой руку, изящно и выжидательно.

– Ну... Это...я... – заерзал Додик, пряча глаза.

– Я так и знала! Жмот! – вынесла вердикт и вернула руку себе на колено обиженная женщина, зловеще так опустила, многозначительно.

Ее спутник снова вздохнул, покрываясь испариной, и полез в карман за бумажником.

– Умеешь, ты, однако, пользоваться моей безотказностью, – мрачно заметил он, тяжело вздохнув и крайне неохотно расставаясь с денежной купюрой.

– А не нужно было врать! – упрекнула его Натали, радостно ухватив протянутые ей через стол деньги, и мгновенно сменила гнев на милость, устремив на своего мужчину полный нежности и обожания взгляд. – Спасибо, Додоша! Сегодня ночью я буду оче-е-нь неожиданной и благодарной!

Додик снова обильно вспотел, представляя себе сегодняшнюю ночь, полную неожиданностей и благодарности, и облизал пересохшие губы.

Натали допила сок, поднялась и, чмокнув своего Додошу в лысеющее темечко, направилась в каюту спрятать свой евротрофей и переодеться к ужину. По пути она поймала дюжину комплиментов и приблизительно столько же вождельных взглядов от попавшихся ей навстречу одиноких мужчин и две визитки от сопровождаемых дамами, незаметно вложенных ей в руку.

В каюте было прохладно, даже слишком прохладно. Вечно потеющий Додик любил задать кондиционеру шестнадцатиградусную температуру, считая ее оптимальной. Натали недовольно поежилась, потом взяла со стола серебристый пульт, подняла температуру до отметки «двадцать три» и зарыла пульт в недра дивана, так, чтобы Додику пришлось его долго искать. Потом подошла к встроенному шкафчику и раздвинула его дверцы. Ненадежные наряды радостно восторгались ей навстречу всеми своими рюшами, оборками и стразами Сваровски, ставя перед нелегким выбором. Впрочем, какая разница в чем ей сегодня выходить к ужину, если рядом с ней все равно будет Додик. Вот если бы она отправилась в круиз одна! Тогда – да, тогда каждый ее выход из каюты автоматически превращался бы в охоту, в приключение, игру, вызов, сопровождаемый выбросом хорошей дозы адреналина.

«Так недолго и форму потерять,» – подумала Натали, припоминая сколько времени она уже разрешает Додику пользоваться ее благосклонностью, а значит, и ее роскошным, ухоженным телом – и прикидывая, не пора ли найти ему замену. Она вернулась к кофейному столику и покрутила в руках, только что брошенные на него, визитки – директор частной пивоварни и начальник подразделения таможенной стражи. Пивоварню она сразу же порвала на мелкие кусочки и выбросила в мусорничек, а таможеню спрятала в потайной кармашек чемодана.

Белым брючкам и индийской тунике из тончайшего бирюзового батиста этим вечером повезло больше, Натали решила «выгулять» их на ужин. Додик добрал настроения в баре и через час, разомлевший от жары, выцеловывал плечики своей даме сердца и звал замуж.

Замужество в планах его спутницы ни под каким пунктом не значилось. Она, вообще, подпустила его к себе с одной единственной целью получения главной роли в фильме, который он этим летом собирался продюсировать. Какой-то тягомотный и бесконечный сериал о жизни клана наркоманов, где Натали надеялась сыграть жену самого главного барона – злодея и негодяя.

После ужина они отправились на танцпол, где Натали сорвала джек пот – после ее чувственного соло, все мужчины, находящиеся в радиусе взгляда, готовы были ради нее на все. Додик, подогретый еще несколькими рюмками коньяка, по возвращении в каюту закатил ей глупую и бездарную сцену ревности. Он обвинял и упрекал, взывал и требовал объяснений, а под конец расплакался, как ребенок, сморкаясь и пряча красный разбухший нос в белоснежное корабельное полотенце.

Натали не оправдывалась и не пыталась его в чем-то переубедить, а просто ждала, когда закончатся претензии и упреки. Она давно привыкла и к сценам ревности, которые ей с завидным постоянством закатывали мужчины – к истерикам и битью посуды она относилась абсолютно спокойно, но чтобы слезы... Да еще такие по-детски безутешные, такие горькие. Это было впервые, и она растерялась, силясь определиться чего в ее душе сейчас больше: жалости или отвращения. Как ни странно, но, он-таки сработал, этот пресловутый материнский инстинкт. Ей, вдруг, захотелось утешить своего Додошу, прижать к груди, утереть слёзы, высморкать в безупречно-белое полотенце и может быть даже поцеловать пару раз, нежно и ласково, очень-очень по-матерински. Но, он не дал ей этой возможности, неожиданно перейдя от слез к угрозам. Маленький смешной и потный толстячок топал ногами и кричал, что «он не позволит ей так над собой издеваться, что у нее никогда не получится сделать его рогатым и, что она никогда не получит этой роли, если будет вести себя, как последняя шлюха».

Конечно же, он получил от нее по морде, по мягкой зарезанной лоснящейся морде. Натали отхлестала своего продюсера по толстым щекам и выставила вон. После чего спокойно разделась и пошла в душ, мурлыча себе под нос что-то очень жизнерадостное

А Додик отправился в бар и вернулся оттуда через час, набравшись до полного раскаяния, и принялся биться в двери, вымаливая у нее прощения. Через десять минут его, совершенно отчаявшегося и мокрого от слез, увела администраторша и уложила спать в одной из свободных кают, наградив в качестве утешительного приза бутылкой «Хеннесси».

Высушив волосы, Натали забралась на кровать и, включив телевизор, нашла для себя что-то душещипательное про любовь, пронесенную героями через всю жизнь, несмотря на тяготы и лишения. По окончании фильма, уснула быстро, крепко и беззаботно. Может быть потому и крепко, что беззаботно.

Ей приснился необычайно реальный сон о том, как она проходит кинопробы и её партнером на съемочной площадке оказывается не кто иной, как Брэдли Купер. И сыграть им нужно эпизод прощания, и поцеловаться протяжно и страстно, так, как и положено целоваться влюбленным, которые расстаются навсегда. И они целуются, и она вдруг понимает, что Брэдли Купер – это не Брэдли Купер, а Додик, весь мокрый от слёз. И режиссер кричит что-то неистовое истошным голосом, и Натали просыпается и понимает, что это кричит не режиссер, а воеет сирена и кто-то со всей дури колотится в дверь ее каюты.

Натали накинула шелковый халатик на голое тело и открыла дверь, увидев на пороге каюты молодого матросика с перекошенным лицом и тревожными глазами:

– Корабль тонет! Быстро одевайтесь и не забудьте вот это! – он открыл небольшой шкафчик справа от двери и достал оттуда ярко-красный спасательный жилет.

Натали застыла в ступоре, судорожно соображая, что из вещей ей надеть, а что оставить и поняла, что хочет забрать все. Она метнулась во вторую комнату, достала из шкафа свой голубенький пластиковый чемодан и стала метать туда всю свою одежду.

Матрос вырос на пороге и скомандовал:

– Бросьте чемодан! Берите самое необходимое! Только документы и ценные вещи!

– Да у меня *все* необходимое! А документы и ценные вещи у меня, как раз-то, в чемодане! – огрызнулась девушка, натянув на себя трусики, узкие оранжевые джинсы и выскальзывая из халатика. Она замерла «топлес» перед раскрытым чемоданом и, окончательно потерявшим самообладание, парнем, тот пошел пятнами и попытался сглотнуть слюну, но с пересохшими горлом это сделать было крайне трудно. Натали, тем временем, блуждала взглядом по своим вещам, соображая, какая кофточка лучше всего подходит к ее любимым абрикосовым джинсам.

– Умоляю вас, быстрее! – взмолился парень.

– А где Додя? – вдруг вспомнила полуобнаженная Натали, наткнувшись на, висящую в шкафу, одежду своего спутника.

– Я не знаю. Скорее всего, он уже в лодке! Почти все уже погрузились! – нетерпеливо пояснил матрос, выхватил из вороха сброшенных девушкой в чемодан вещей первую попавшуюся футболку и протянул ее хозяйке.

– Одевайтесь!

Натали скривилась, отметив мысленно, что эта фиолетовая майка «ну никак не сочетается с надетыми на нее джинсами», но спорить не стала, потому что, в этот момент, пол в каюте удивительным образом наклонился влево. Затарахтел и медленно покатился к стене баллончик с дезодорантом – и тут до нее, наконец-то, дошло, что это действительно кораблекрушение и, что это – серьезно. Натали обула на ноги самые удобные свои лодочки на трехсантиметровом каблучке и с мольбой глянув на неожиданного и такого терпеливого спасителя, перевела взгляд на свой разинутый чемодан. Матрос среагировал молниеносно- наклонился, захлопнул злополучный чемодан и, ухватившись за его ручку, рванул к выходу. Радостная Натали поспешила за ним следом.

Она ожидала увидеть суматоху и панику, выхватывая из тайничков памяти жуткие фрагменты фильма «Титаник», и понимая, что абрикосовые джинсы с фиолетовой майкой, ну никак не вписываются в драматичность сюжета, и что надо было надеть что-нибудь черненькое и трагичное, но лайнер был, практически, пуст. Команда сработала быстро и слажено. Пассажиры, распределенные по лодкам, уплывали дружным караваном подальше от тонущего судна в, быстро съедаемую их, темноту ночи, а те, кто еще задержался на борту, вели себя весьма пристойно – не истерили и не орали, а спокойно и организованно усаживались в оставшиеся шлюпки. Матрос подвел Натали к одной из них и, уложив на дно чемодан, помог девушке в нее забраться. Садясь в лодку, Натали отметила находящихся в ней двух женщин и мужчину, и вопросительно посмотрела на своего славного матросика:

– А вы?!

– А я еще задержусь! Встретимся на берегу! – пообещал он и помахал на прощанье рукой. Стоящий рядом с ним бородатый и угрюмый, матрос хмыкнул и стал опускать лодку вниз.

Вскоре она мягко коснулась поверхности воды и единственный мужчина, оказавшийся с ними в лодке, взялся за весла. Натали, тем временем, решила рассмотреть своих «подруг по несчастью». Та, что расположилась с ней рядом, выглядела очень перепуганной, все время что-то шептала, нервно облизывая пухлые губы, похоже молилась, и оглядывалась по сторонам своими большими, выпуклыми, коровьими глазами. Напротив них, за спиной, пытающегося грести, неясного и невнятного мужчины в ветровке с капюшоном, почти полностью закрывающим его лицо, сидела вторая из женщин, и, в отличие от первой, выглядела предельно собранной и невозмутимой. Похоже, единственное, что ее тревожило, это небольшой кейс, который она крепко прижимала руками к своей, едва обозначенной, груди.

Никто ни с кем не заговаривал, а лишь с надеждой всматривался в черный горизонт с редкой россыпью огоньков-маячков на, успевших уплыть далеко вперед, спасательных шлюпках.

Несколько лодок, спущенных на воду позже них, уже успели догнать их и перегнать. Через какое-то время по воде прошла глубинная волна и странный звук, словно вздох неведомого гигантского морского животного раздался с той стороны, где в зловещей темноте оставался тонущий лайнер.

– Все. Кабздец кораблику, – сухо констатировала дама с кейсом и положив свою ценность на колени, выудила откуда-то сигареты и зажигалку.

Все остальные переглянулись между собой и стали еще судорожнее вглядываться в темную даль.

Звезды, светившие до того достаточно ярко, вдруг куда-то исчезли и поднявшийся неожиданный резкий ветер, заставил всех поежиться. Натали пожалела, что не надела на себя ничего, кроме заботливо предложенной матросиком футболки. Она наклонилась и попробовала нащупать на дне лодки свой чемодан, но в темноте наткнулась лишь на какой-то мешок, влажный и скользкий. Натали пошарила чуть дальше, но снова не обнаружила нигде своего чемодана и, резко выпрямившись, выбила из руки мужчины весло. Оно выскочило из уключины и быстро соскользнуло в темноту.

– Ой! Весло! – только и успел вскрикнуть тот и кинулся его спасать, но не успел.

– Зашибись, – снова прокомментировала произошедшее ледяная дама с кейсом, а спутница с коровьими глазами всхлипнула и пропела неожиданно тоненько для своих внушительных размеров:

– Боже! Что же теперь с нами будет?!

– А ничего хорошего не будет! – сообщила вторая как-то неподходяще радостно.

– Извините меня, – пролепетал мужчина, усаживаясь на свое прежнее место и делая тщетную попытку грести одним веслом.

– Да брось ты к черту это гребаное весло! Ты с двумя ни хрена справиться не смог, а с одним только на месте крутиться будем! Что ж за мужики такие пошли – безрукие! – заключила она и снова закурила.

– Ну, мужчина не совсем шобы виноват, если бы девушка его не зацепила, – поторопилась заступиться за единственного мужчину грудастая и конопатая соседка.

– А ты, буренка, лучше помолчи! Терпеть не могу, когда бабы за мужиков заступаются. Вот из-за таких как ты, которые вечно их оправдывают, они такими и становятся – беспомощными и никчемными! – заткнула ее феминистка с кейсом.

– Я нечаянно, честное слово. Просто хотела что-то из вещей себе достать, замёрзла я, – попробовала оправдаться Натали.

– На вот – держи одеяло! Прихватила одно, из каюты, – неожиданно предложила грозная обвинительница мужчин и протянула девушке теплый сверток. – Меня, кстати, Кларой зовут.

– А я – Натали, – поспешила представиться девушка, тронутая неожиданной заботой, и с благодарной улыбкой приняла одеяло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.